

Анархическое напряжение

Альфредо Боннано

1996 год

Я всегда смущаюсь, когда мне надо говорить, особенно трудно начать выступление. Это смущение возрастает на мероприятиях, которые мы ошибочно называем конференциями, или скромнее, дискуссиями. Ситуация такая: кто-то появился извне, может быть, из другого поколения, возник из прошлого. Он стоит здесь, в этом классе и собирается выступать, при этом он странно и даже опасно похож на тех, кто промывает вам здесь мозги совсем в других целях. Но если вы будете внимательно слушать, вы поймете, что, несмотря на внешнее сходство, мои концепции сильно отличаются. Первая из них имеет форму вопроса: Что такое анархизм? Может показаться странным, что я здесь об этом говорю, потому что здесь присутствует много анархистов, некоторых я знаю лично. А уж анархисты-то должны знать, что такое анархизм. Но на этот вопрос нужно отвечать снова и снова, пусть даже в нескольких словах. Почему? В других сферах человеческой деятельности и мысли в этом обычно нет необходимости, но анархисты продолжают задавать сами себе вопрос: Что такое анархизм? Что значит быть анархистом? Почему? Потому что здесь не может быть раз и навсегда данного определения. Если человек анархист, это не значит, что он достиг ясности и что он может провозгласить «Я знаю истину и, по крайней мере, с точки зрения этой идеи, я нахожусь в привилегированном положении». Человек, который так думает, на самом деле никакой не анархист. Анархист это тот, кто сомневается, кто задает себе вопросы: Что есть моя жизнь по отношению к тому, что я думаю и в соответствии с тем, что я делаю? Удастся ли мне каждый день во всем, что я делаю, соответствовать своим убеждениям, быть анархистом в повседневной жизни и не идти на компромиссы?

Анархизм – это не надпись на надгробном камне. Это не политическая теория. Это отношение к жизни, а жизнь, независимо от того, молод ты или стар, это не что-то определенное: это ставка в ежедневной игре – когда мы просыпаемся утром и спускаем ноги на пол, нам нужна причина, чтобы вставать, если вставать незачем, то неважно анархист ты или нет. Можешь продолжать спать. А чтобы иметь достойный повод вставать, мы должны знать, что мы хотим сделать, потому что для анархизма нет разницы между тем, что мы делаем и что мы думаем, а есть постоянное преобразование теории в действие и действия в теорию. Это то, что отличает

анархиста от того, кто исповедует любые другие жизненные принципы и переносит свои принципы в политическую практику и в политическую теорию.

Обычно вам этого не говорят, об этом вы не прочитаете в газете, об этом не пишут в книгах и в школе об этом умалчивают, потому что в этом заключается тайна жизни: никогда не отделяйте мысль от действия, нельзя отделять свои знания, свое понимание от того, что мы делаем и как мы это делаем.

Вот что отличает политика от революционера-анархиста. Не слова, не идеи и часто даже не действия, потому что действия анархистов не всегда являются экстремистскими, или лучше скажем, радикальными. Анархистов отличает даже не точность в выборе цели, а то, как человек, как товарищ, который проводит акцию, делает эту акцию необходимой частью своей жизни, частью себя, значимость, полнота жизни, радость, страсть, красота, а не простая практичность, не скучное осуществление действия, имеющего цель в самом себе, действия, после которого можно сказать «Сегодня я сделал то-то и то-то», и это дело будет далеко от тебя, на периферии твоего существования. Это одно отличие. А из этого различия проистекает другое, по-моему, очень важное. Для всякого, кто думает, что то, что нужно сделать находится вне нас, и что оно может быть достигнуто через ряд успехов и неудач, жизнь представляется лестницей. Иногда ты идешь по этой лестнице вверх, иногда вниз, иногда все идет хорошо, иногда плохо – тот кто думает, что именно так устроена жизнь, например, классический политик-демократ (хороший парень, с ним можно поговорить, он толерантен и открыт, верит в прогресс, в будущее, в лучшее общество, в свободу), такой человек скорее всего не носит двубортный костюм и галстук, он одевается небрежно и вблизи похож на товарища, он и называет себя нашим товарищем, так вот, такой человек вполне может быть полицейским, и это не имеет значения. Почему бы и нет? Есть полицейские-демократы, времена поголовных репрессий прошли, сейчас репрессии имеют позитивный аспект, нас репрессируют теперь с помощью массы прекрасных идей. Как же нам идентифицировать этого человека, этого демократа, как распознать его? Как защититься от него, если он умеет так хорошо пудрить нам мозги? Распознать его можно так: для него жизнь это реализация, она состоит из последовательного выполнения определенных вещей, важно количество сделанного и только.

Когда мы говорим с человеком, мы не можем попросить его показать партийный билет. То, что человек говорит иногда очень путано, и мы остаемся в полном недоумении, потому что все мы милые люди, прогрессивные и любители поговорить и все превозносим толерантность и тому подобное. Как же нам определить, что перед нами враг, наихудший из наших врагов? От фашистов старого образца мы, по крайней мере, могли защититься. Фашист нападал, а мы когда могли, наносили ответный удар. А сейчас все изменилось. Теперь даже фашиста не всегда легко распознать. А этот персонаж, которого мы пытаемся здесь описать, этот демократ из тех, что мы встречаем повсюду, в школе, в парламенте, на улице, в костюме полицейского, судьи или доктора, этот тип – наш враг, потому что он относится к жизни иначе, чем мы, потому что для него жизнь это что-то другое, чем для нас, мы для него инопланетяне и я не вижу причин, почему мы в свою очередь должны считать его обитателем нашей планеты. Между нами стена, потому что для него жизнь имеет количественное измерение, потому что и успех и поражение он измеряет с точки

зрения количества, а мы измеряем их иначе и вот о чем мы должны думать: чем же качественно отличается наше понимание жизни?

Этот дружелюбный господин обрушивает на нас поток критики и говорит: «Анархисты хорошие люди, но они ничего не достигли. Чего добились они на протяжении истории? Было ли когда-нибудь анархическое государство? Реализовали ли он когда-нибудь идею правления без правительства? Разве не является противоречием свободное общество, анархическое общество, общество без власти?» И надо сказать, что эта критика безусловно обоснована, если посмотреть на такие страны как Испания или Россия, где анархисты наиболее близко подошли к реализации своей утопической мечты об утопической идеи свободного общества, то мы увидим, что этот опыт вполне заслуживает критики. Революции, которые там были, это не либертарные революции и это не анархия. Так вот, когда эти господа говорят «Это утопия, вы, анархисты, мечтатели, ваша утопия никогда не реализуется», мы должны ответить «Да, это верно, анархизм это состояние борьбы, это не осуществление, не конкретная попытка провозгласить анархию завтра утром». Но мы также должны сказать «А вы заслуженные господа-демократы, сидящие в правительстве и регулирующие нашу жизнь, думающие, что вы можете залезть к нам в головы, в мозги, вы, управляющие нами посредством мнений, которые вы ежедневно формируете в своих газетах, университетах, школах и т.п., чего вы, господа, достигли? Мира, в котором можно жить? Или мира смерти, мира, где жизнь – череда сделок, где она лишена качества и значения? Мира, в котором человек дожив до определенного возраста и выйдя на пенсию, спрашивает себя «Что я сделал со своей жизнью? Стоило ли жить все эти годы?»

Вот чего вы достигли, вот что такое ваше представление о демократии и о людях. Вы управляете народом, но что такое народ? Может быть, для вас это маленькая, может быть незначительная, часть людей, которая голосует за вас на выборах, выбирает меньшинство, которое в свою очередь избирает еще одно меньшинство, еще меньшее, чем первое, которое управляет нами именем закона?

Вы управляете именем власти, но где ее источник? Из абстрактной идеи вы создали структуру, которую, как вы считаете можно совершенствовать... Но была ли она усовершенствована хоть раз в истории? Разве не живем мы сейчас в условиях мертвящего снижения качества? Вот такую критику мы должны бросить в лицо всем сторонникам демократии. Может быть мы, анархисты, утописты, но мы боремся за качество, может быть демократы – утописты, но они при этом снижают качество жизни. Этому снижению качества, этой атрофии жизни с минимальным ущербом для себя и с максимальным ущербом для огромного числа эксплуатируемых мы противопоставляем другую утопию. Она, по крайней мере, утопия качества жизни, борьба за другое будущее, которое будет радикально отличаться от того, как мы живем сейчас. Итак, все замечания, которые делают те, кто говорит с вами от имени политического реализма, государственные мужи, учителя (которые являются слугами государственных мужей), теоретики, журналисты, все те интеллектуалы, которые приходят в классы подобные этому и с помощью вдумчивых спокойных слов начинают убеждать вас, что государство это единственная реальность, что ничего другого не может быть, что такова реальность, что нужно идти на жертвы, все эти люди обманывают тебя. Они обманывают тебя, потому что ты можешь что-то

сделать. Потому, что любой из нас может восстать против этого обмана за оскорбленное человеческое достоинство. Потому что каждый в состоянии понять, что его обманывают, потому что мы наконец поняли, что они с нами делают. И восставая против всего этого, мы можем не только изменить реальность вещей, которые мы в состоянии познать, но также изменить свою жизнь, сделать ее достойной и полной смысла. Можно проснуться утром, спустить ноги на землю, посмотреть в зеркало и сказать себе «по крайней мере, я смог изменить свою собственную жизнь» и при этом почувствовать себя живым человеком, а не марионеткой в руках кукловода, которого ты не можешь даже как следует разглядеть, а не то что плюнуть ему в лицо.

Вот почему анархисты все время возвращаются к вопросу о том, что такое анархизм. Потому что анархизм это не политическое движение. То есть он, конечно, является политическим движением, но это не главное. То, что в историческом плане анархизм выступал как политическое движение, не означает, что этим исчерпывается его жизненный потенциал. Анархизм не сводится к деятельности групп вроде анархической группы Кунео или групп в Турине, Лондоне или где-либо еще. Это не анархизм. Конечно, в составе этих групп действуют анархисты, по крайней мере, предполагается, что это так, это товарищи, которые подняли свое собственное индивидуальное восстание, а потом пришли к пониманию долга и принуждения, с которыми им приходится мириться. Анархизм это просто бунт, это борьба, это качество жизни, это сила, которую мы обретаем, способность изменить окружающую действительность. Анархизм это целый проект трансформации, который начинается с перемен внутри нас. Анархизм это не последовательная цепь исторических событий и он не имеет количественного измерения. Его также нельзя рассматривать как некий разворачивающийся во времени проект, который воплощается в конкретных теориях, людях, движениях или в отдельных революционных актах. Всегда есть нечто большее, чем сумма всех этих элементов и именно это делает анархизм живым. Мы все время должны поддерживать связь между этой борьбой за что-то абсолютно иное, невиданное и невыразимое, новое измерение, которое мы должны почувствовать, не зная толком, как и нашим повседневным опытом, с тем, что мы можем сделать и делаем. Точное соотношение изменения, трансформации. Первый пример, который приходит в голову, это еще один противоречивый вопрос. Подумайте о том, что люди имеют в виду, когда они говорят «Нужно решить некоторые проблемы». Это классическая фраза. Нам всем нужно решать проблемы. Сама жизнь это проблема, которую надо решить. Проблема это то, как жить, наши социальные условия, наше право на личную жизнь и то, как разорвать круг, который сковывает нас. Все это мы считаем своими проблемами. Структуры, которые нас подавляют (полагаю, что многие из присутствующих здесь студенты), утверждают, что эти проблемы можно решить и что они готовы решить их за нас. В качестве примера они приводят решение задач в математике, в геометрии и т.п. Но задачи из области математики это ложные задачи, на самом деле они не решаются. Ответ на них это просто повторение той же самой задачи в другой форме, тавтология. Мы задаем некий вопрос и даем ответ, повторяя вопрос в других выражениях. Так что задача не решается, она просто повторяется.

А когда мы говорим о решении задачи, которая затрагивает жизнь каждого из нас, то мы сталкиваемся здесь с проблемой такого уровня сложности, которую нельзя свести к переформулировке условия. Возьмем к примеру «проблему полиции».

Существование полиции создает проблему для многих из нас. Без сомнения, полицейские это орудие репрессий, которое государство применяет, чтобы помешать нам делать определенные вещи. Как решить такую проблему? Сама постановка вопроса абсурдна. Невозможно решить проблему полиции. Хотя, с точки зрения демократов возможно решить некоторые аспекты этой проблемы путем демократизации определенных структур, изменения отношения полицейских к своему делу и т.п. Но считать, что это может решить проблему контроля и репрессий, глупо и нелогично. На самом деле, это только способ регулировать репрессии в интересах власти, в интересах государства. Если сегодня политик-демократ полезен, то завтра может прийти значительно менее демократичная система контроля и доминирования. Почему? В будущем полезными могут оказаться репрессии, как это бывало в прошлом, и любые немногочисленные маргинальные меньшинства, у которых есть свое собственное мнение, будут исключены или уничтожены.

Под полицией я понимаю любую репрессивную структуру – от военной полиции до системы судопроизводства, все порождения государства, служащие для контроля и репрессий. Таким образом, как вы видите, социальные проблемы решить нельзя. Демократические структуры обманывают нас, когда обещают решить эти проблемы. Этот обман показывает, что демократическая политика не основывается на реальности и не имеет под собой ничего конкретного. Все строится на предположении, что возможны постепенные улучшения и что все можно наладить. Именно эта идея, что все можно наладить, служит основой власти, и именно эта идея постепенных улучшений позволяет власти существовать в средне- и долгосрочной перспективе. Пока мы ждем исполнения их обещаний, власть успевает измениться. Эти улучшения никогда не реализуются. На всем протяжении истории власть изменялась и трансформировалась, но суть ее оставалась неизменной. Горстка людей, привилегированное меньшинство, которое держит в руках рычаги власти, думают о своих собственных интересах и о том, как сохранить власть, кто бы ни находился в данный момент у руля.

Какие же инструменты у нас есть, чтобы бороться против такого положения вещей? Они хотят нас контролировать? А мы отказываемся. Мы можем это сделать. Мы так и поступаем, стремясь свести ущерб к минимуму. Но, живя в обществе, невозможно полностью избежать контроля. Мы можем обходить некоторые его аспекты, громко кричать, когда нас репрессируют без всяких оснований, но, безусловно, существуют некоторые сферы власти, где правила называются законами, есть огороженные табличками зоны, куда люди, называющие себя полицейскими, запрещают нам заходить. Без сомнения, это так. Попробуйте пройти в парламент, посмотрим, что у вас получится. Выше определенного уровня пройти нельзя, некоторые механизмы контроля неизбежны.

Что же делать в этой ситуации? Просто мечтать? Нужна концепция свободы, причем, тщательно сформулированная. Ведь мы не можем просто сказать: «Свобода, к которой стремятся анархисты, это просто уменьшение контроля». В этом случае перед нами встал бы вопрос: Где заканчивается уменьшение контроля? Может быть на минимальном уровне? Стало бы, например, государство легитимным для анархистов, если из нынешнего репрессивного государства оно превратилось бы, скажем, в идеальное государство-минимум, о котором мечтают либералы? Естественно, нет.

Мы так не считаем. Речь идет не о том, чтобы ограничить контроль, а о том, чтобы ликвидировать его полностью. Нам не нужно «больше свободы». Больше свободы дают рабу, когда делают ему цепь подлиннее. Мы за ликвидацию цепи, мы за свободу, а не за «больше свободы». Свобода означает отсутствие любых цепей, отсутствие ограничений и все то, что из этого следует. Свобода это трудно, непонятно и больно, хотя о ней говорят как о чем-то красивом, сладком и расслабляющем. Как и все далекое, это мечта, которая помогает нам, наша надежда и вера. Другими словами, все эти туманные понятия, которые на первый взгляд решают сегодняшние проблемы, на самом деле их не решают, они только запутывают вопрос, трансформируют его и мешают нам прямо смотреть на все трагедии сегодняшнего дня. Да, конечно, когда-нибудь свобода наступит. Да, сейчас все очень запутанно, но под этим хаосом скрывается некая внутренняя сила, некий порядок, который не зависит от нас и действует за нас, этот порядок в конце концов уничтожит все страдания и приведет нас к свободе и мы будем жить долго и счастливо... Нет, это не свобода, это обман, этот обман трагически напоминает идею бога, которая часто помогала нам и которая и сейчас помогает многим людям пережить их страдания, потому что они могут сказать: «Да, сейчас мы страдаем, но мы будем счастливы в ином мире». Как говорится в Евангелии, последние станут первыми, и эта идея греет душу нынешних последних, потому что они верят, что завтра первыми будут они. Мы должны отвергнуть такую идею свободы, потому что в противном случае мы были бы ничем не лучше тех священников, которые обманывают бедных людей, говоря им, что наступит царство божие и они будут избавлены от страданий. Для анархистов это неприемлемо: свобода предполагает разрушение, абсолютную ликвидацию всяких ограничений. Свобода — это идея, которую мы должны хранить в своих сердцах, но в то же время нам нужно понимать, что если мы желаем ее, мы должны быть готовы столкнуться со всеми рисками, которые несет с собой разрушение, со всеми рисками разрушения установленного порядка, в котором мы живем. Мы не должны убаюкивать себя надеждой, что все изменения к лучшему произойдут сами собой, без нашего вмешательства.

Чтобы понять идею свободы, чтобы осознать с каким риском такие опасные идеи связаны, мы должны сформулировать для себя эту идею.

Этот вопрос тоже сильно запутан. Принято считать, что идеи – это все то, что приходит нам в голову. Мы говорим «У меня есть идея», а потом пытаемся понять, что это означает. Это картезианское понимание идеи, ему противостоит идея Платона, еще более абстрактная. Мы же под идеей понимаем нечто другое. Для нас идея это сила, которая способна преобразовать мир. Идея имеет для нас ценностный аспект, она дает силу, она может развиваться и изменять наши отношения с другими людьми. Все это идея. Но где же тот источник, который помогает нам развивать такие идеи? Школы, университеты, газеты, книги, учителя, специалисты, телевидение и т.п.? Что получаем мы из этих источников информации и культурного развития? На нас обрушивается огромный поток информации, мы перерабатываем ее и выдаем мнения. У нас сейчас все больше не идеи, а мнения. Это трагично. Ведь, что такое мнение? Это упрощенная идея, стандартизованная идея, приспособленная к тому, чтобы ее приняло как можно больше людей. Мнения это идеи массового потребления. Властям важно поддерживать такие мнения, потому что именно с помощью

мнений, с помощью контроля за мнениями они добиваются желаемых результатов, так же как и с помощью механизмов пропаганды и выборных технологий. Новые политические элиты формируются не с помощью идей, а с помощью мнений. Что же можно противопоставить процессу формирования мнений? Нужно ли для этого иметь больше информации, то есть противопоставлять официальной информации свою? Нет, это невозможно, в любом случае мы не в состоянии противопоставить огромному объему информации, который обрушивают на нас каждый день, свою контринформацию, которая могла бы обнажать скрытые мотивы и ту реальность, которая скрывается от нас за информационной болтовней. Нет, мы не можем работать в этом направлении. Когда мы пытаемся это делать, мы всякий раз обнаруживаем, что это безнадежно – мы не в состоянии убедить людей.

Поэтому анархисты всегда скептически относятся к пропаганде: да, конечно, в этом зале, как и на всех подобных встречах, есть стол, где полно наших брошюр и листовок. У нас горы текстов, мы очень хорошо умеем их создавать. Но это не единственное, чем мы должны заниматься, и уж во всяком случае эта литература не содержит элементов контринформации, а если содержит, то случайно. Наша работа должна быть направлена на создание идеи или нескольких основных идей, сильных идей.

Приведу только один пример. В последние три-четыре года появилось явление, которое журналисты называли жутким термином *"tangentopoli"* или «чистые руки» (судебные дела против политиков, которые брали взятки у капиталистов за предоставление выгодного госзаказа) и т.п. Какой же отклик вызвали эти дела в головах людей? У людей сложилось мнение, что закон в состоянии решить все вопросы, покарать политиков, изменить условия и от старых устоев, характерных для первой Итальянской Республики привести нас к новым устоям второй Республики. Это мнение, этот процесс, конечно, очень полезны. Они позволили, например, «новой» политической элите прийти на смену старой. Новая она весьма относительно, она сохранила многие старые привычки и прежних персонажей. Вот так работают мнения.

Давайте теперь сравним этот процесс формирования мнений, который выгоден только власти, с формированием сильной идеи, которая подразумевала бы глубокий анализ понятия правосудия. Разница колоссальная. Но какой из путей правильный? Например, многие люди (и мы в том числе) считали, что это правильно, когда бывший лидер социалистической партии Кракси был вынужден оставаться под замком на своей вилле в Тунисе. Вся эта ситуация была довольно забавной, мы смеялись, нам было приятно – ведь приятно же, когда такую большую свинью держат взаперти. Но разве это настоящая справедливость? У Андреотти, например, проблемы. Он, кажется, поцеловал в щечку главаря мафии Риму. Услышав об этом мы, конечно, улыбаемся, нам приятно, ведь эта свинья Андреотти был просто физически отвратителен, достаточно просто увидеть его по телевизору. Но разве в этом идея справедливости? У прокуроров Ди Пьетро и Боррелли масса поклонников. Миллионы людей были втянуты в процесс формирования единого мнения. Но разве идея правосудия заставляет нас с этим соглашаться? К чему должна привести нас наша идея? Она должна привести нас к пониманию того, что Кракси и Андреотти виноваты ничуть не больше, чем Ди Пьетро и Боррелли. Потому что первые два политики, а вторые судьи.

Понятие правосудия предполагает черту между теми, кто поддерживает и защищает власть и теми, кто против власти. Если само существование власти несправедливо, если все попытки оказываются на деле всего лишь жульническим самооправданием, тогда любой человек у власти, неважно демократ он или не, всегда будет неправ, независимо от того, что он делает.

Сформировать такое понятие о справедливости это значит создать идею, такую идею, которую не найдешь в газетах, которая не попадает в классы и университетские аудитории, которая не может стать частью мнения или заставить людей идти голосовать. Такая идея, на самом деле, ведет к внутреннему конфликту. Потому что подвергая себя самому суду, человек задает себе вопрос: Вот я, со своим представлением о социальной справедливости, как я отношусь к тому, что действия Ди Пьетро кажутся мне правильными? Я что, попался на крючок, я что, тоже инструмент формирования мнений, винтик в громадном механизме поддержания власти? Я становлюсь не только их рабом, но и соучастником?

Вот мы и подошли к самому важному. Подошли к вопросу нашей личной ответственности. Это правда, что для анархистов нет разницы между теорией и действием. Идея социальной справедливости обжигает нас, если хоть на секунду эта идея озарит наше сознание, она уже не погаснет. Мы всегда будем чувствовать себя виноватыми, будем чувствовать себя соучастниками, соучастниками дискриминации, репрессий, геноцида, смерти, мы никогда не сможем избавиться от этого чувства. Разве иначе мы могли бы считать себя революционерами и анархистами? О какой свободе мы сможем говорить, если будем соучаствовать в преступлениях убийц, находящихся у власти?

Мы видим, как изменяется ситуация и какой напряженной она становится для тех, кто после глубокого анализа или даже случайно позволил себе осознать такую простую идею, как справедливость. А таких идей много. Например, идея свободы. Каждый, кто хоть на минут задумается о том, что же такое на самом деле свобода, уже никогда не сможет довольствоваться тем, чтобы просто потихонечку расширять границы дозволенного в своей повседневной жизни. С этого момента они начнут страдать от чувства вины, и будут стараться сделать что-нибудь, чтобы облегчить это страдание. Они поймут, что они были неправы, что не сделали ничего до сих пор, и с этого момента их жизнь изменится полностью. Чего же добивается государство с помощью формирования мнений? Чего хочет Власть? Да, конечно, она хочет сформировать популярное мнение, с помощью которого она сможет осуществлять всякие манипуляции, например, выборы или создание властных группировок. Но это не все, чего они хотят. Им нужно наше согласие. Им нужно наше одобрение. А согласие достигается с помощью тонких инструментов, особенно таких, которые связаны с культурой. Одним из таких источников согласия является школа, а в школе создается будущая интеллектуальная, и не только, интеллектуальная, рабочая сила.

Современному капитализму требуются другие люди, чем раньше. До недавнего времени нужны были профессионалы, которые гордились бы своими знаниями и трудовыми навыками. Сейчас ситуация изменилась. Сейчас достаточно иметь очень скромную квалификацию, зато нужны качества, о которых раньше на рынке труда и не слыхали, такие как гибкость, умение приспосабливаться, терпимость, способность вносить предложения на собраниях и т.п..

Гигантские производственные подразделения сейчас имеют в основе конвейерные сборочные линии с использованием роботов, либо небольшие группы людей, команды, которые работают вместе, знают друг друга, контролируют друг друга и т.д. Такая ментальность существует не только на производстве. Они создают не только «новый тип рабочего», но и «нового человека», приспособляемого, со скромными идеями, довольно смутными желаниями, существенно пониженным культурным уровнем, бедным языком, стандартным кругом чтения, ограниченной способностью думать, и большой способностью быстро принимать решения по типу да/нет. Они знают, как выбрать между двумя вариантами: желтая кнопка/красная кнопка, черная кнопка/белая кнопка. Вот такой тип ментальности им нужен. И где же они его создают? Не только в школе, но и в повседневной жизни. Зачем им такие люди? Они будут использованы для внесения необходимых изменений для реструктурирования капитала. Они пригодятся для совершенствования управления условиями и отношениями в капитализме завтрашнего дня. И каковы же будут эти отношения? Они будут основаны на все более быстрых изменениях, на удовлетворении несуществующих потребностей, которые создают и формируют небольшие группы, а групп этих становится все больше. Такой новый человек представляет собой полную противоположность тому, к чему мы стремимся – противоположность по качеству, по способности к творчеству, способности стремиться к чему-то и радоваться жизни. Он противопоставлен всему этому. Как же бороться против этого технологического человека? Как бороться в этой ситуации? Можем ли мы ждать того великого дня, когда мир будет перевернут? Того дня, который анархисты прошлого века называли *"la grande soiree"*? – Великий праздник, или Великий день – *"le grand jour?"*, – когда силы, которые никто не мог предвидеть заранее, возьмут верх, когда разразится социальный конфликт, которого мы ждем и который называется революцией? Тогда все изменится и наступит мир радости и совершенства? Этой идее уже тысяча лет. Сейчас, когда мы подошли к концу тысячелетия, она может возродиться. Но условия изменились. Нас интересует не нынешняя действительность, не ожидание. Нас интересует возможность повлиять на ситуацию, пусть скромная, но такая, которая позволит нам чего-нибудь достигнуть. Будучи анархистами, мы призваны что-то делать. Нами руководит наше личное чувство ответственности, и все то, о чем мы уже говорили. С того момента, как нашу жизнь осветила идея, не идея анархии, а идея справедливости, идея свободы, когда нам светят эти идеи, и мы видим вокруг себя обман (а сегодня обман, совершаемый демократами, виден как никогда четко), что мы должны делать? Мы должны приняться за работу, а это значит, в частности, что мы должны самоорганизоваться. Мы должны создать систему связей и контактов между анархистами, отличную от той, что была раньше.

Реальность изменилась. Как я уже сказал, они создают нового человека, человека лишённого качества, они создают его, потому что им нужно построить деквалифицированное общество. Деквалифицировав рабочего, они убрали его из центра политической жизни. В прошлом рабочий подвергался жестокой эксплуатации. Поэтому считалось, что именно он станет творцом революции. Достаточно вспомнить марксистский анализ. "Капитал" Маркса посвящен «освобождению» рабочего. Когда Маркс говорит о человеке, он имеет в виду рабочего. Когда он говорит о стоимости, он имеет в виду труд, когда он говорит об отчуждении, он тоже говорит о труде. У

него нет ничего, что не касалось бы труда. Но это потому, что рабочий был в центре марксистского анализа в то время когда этот анализ разрабатывался. На рабочего тогда смотрели как на центральный элемент общественной структуры.

Проведя свой анализ, анархисты тоже подошли к выводу, что рабочий находится в центре общественной жизни. Рассмотрим, например, анархо-синдикалистский анализ. Анархо-синдикалисты довели вопрос о профсоюзной борьбе до своего логического конца, они пришли к пониманию ограниченности переговорной тактики профсоюзов и провозгласили идею революции посредством всеобщей забастовки. Таким образом, анархо-синдикалисты считали, что общество будущего, свободное анархическое общество, должно быть таким же, как оно есть, но освобожденным от власти, с теми же структурами производства, но находящимися не в руках капиталистов, а в руках трудовых коллективов, которые будут совместно ими управлять. Сегодня такая концепция абсолютно не применима, по ряду причин. Во-первых, потому что технологические изменения, сделали невозможным простой переход от нынешнего общества к обществу будущего, в котором мы хотели бы жить. Такой прямой переход невозможен по одной простой причине: невозможно использовать информационные технологии в условиях освобождения, в либертарном варианте. Новые компьютерные технологии не только вызвали изменения в конкретных орудиях труда, они трансформировали всю технологию целиком. Нынешний завод, например, это не просто завод с компьютерами, это компьютеризованный завод, а это совершенно другая вещь. Это надо иметь в виду, но сейчас у нас нет времени подробно останавливаться на этой концепции, мы только затронули ее в самом общем виде. Итак, мы должны признать, что наследие анархо-синдикализма сейчас невозможно использовать. Параллельно с технологическими изменениями разрушался миф о центральной роли рабочего класса.

Сейчас, когда рабочий класс практически не существует как единое целое, нет возможности экспроприации средств производства. Что же из этого следует? Единственный возможный вывод – эти орудия труда должны быть уничтожены. Единственный возможный путь – пройти через жестокую реальность разрушения. Если когда-нибудь наступит революция, такая как мы ее себе представляем, хотя мы не уверены, что она вообще когда-нибудь произойдет, она не будет похожа на революции прошлого, которые могли произойти за один день или даже за один прекрасный вечер, это будет долгий, трагический, кровавый процесс, невообразимо жестокий и невообразимо трагический.

Это то, к чему мы движемся. Не потому, что мы этого хотим, не потому что нам нравится насилие, кровь, разрушение, гражданская война, смерть, варварство, а потому, что это единственный возможный путь, путь, который сделали неизбежным те, кому нужны были эти трансформации, те кто правит нами. Они пошли по этой дороге. Мы не можем изменить это по своему желанию. В прошлой гипотезе, где присутствовал сильный рабочий класс, можно было обманывать себя по поводу возможности этого перехода и соответственно строить организационную работу. Анархо-синдикалисты, например, стремились создать сильное синдикалистское движение, в которое включился бы практически весь рабочий класс, это движение должно было провести экспроприацию и осуществить переход. Этот коллективный субъект, который, похоже, с самого начала был мифическим, а сейчас он не существу-

ет даже в качестве мифа. Так какой же смысл в революционном синдикалистском движении? Никакого.

Так что борьба должна начаться в другом месте, с другими идеями и другими методами. Именно поэтому мы уже около пятнадцати лет разрабатываем критику синдикализма и анархо-синдикализма. Именно поэтому мы определяем себя как Анархисты-Инсургенты. Не потому, что мы считаем, что баррикады – это решение всех проблем – баррикады могут оказаться трагическим последствием того выбора, который сделан не нами. Мы инсургенты, потому что мы считаем, что анархическое действие неизбежно должно столкнуться с очень серьезными проблемами. Анархисты не желают этих проблем, эти проблемы навязывает нам реальность, которую создали те, кто находится у власти, и мы не можем отмахнуться от этих проблем просто потому, что мы их не хотим.

Поэтому анархическая организация, которая хочет существовать дальше, должна быть мобильной. Она не может быть такой громоздкой и многочисленной, как организации прошлого. Она не может существовать в виде крупной универсальной организации, с различными комиссиями, которые пытаются разобраться со всеми существующими вопросами, с регулярными съездами, на которых принимаются решения на основе фундаментальных трудов, созданных еще в прошлом веке. Когда-то это было актуально, а сейчас нет, не потому, что этим теориям уже сто лет, а потому, что реальность изменилась.

Поэтому мы утверждаем, что сейчас необходимо формировать маленькие группы, основанные на дружеских отношениях, может быть совсем крошечные группы, состоящие из нескольких товарищей, которые знают друг друга и стремятся узнать друг друга лучше, потому что не может быть близости между людьми, которые не знают друг друга. Чтобы понять, кто тебе близок по взглядам и интересам, надо знать все особенности человека, надо часто с ним общаться. Это личное общение, но при этом обсуждаются различные идеи, люди спорят, дискутируют. Но нужно вернуться к тому, о чем мы, если помните, говорили в начале сегодняшнего вечера. Нельзя только развивать идеи и не участвовать в практических акциях. Эти вещи взаимосвязаны, это единый процесс.

Маленькая группа товарищей, которая просто собирается по вечерам поболтать, это просто группа приятелей, которые встречаются вечером просто поговорить о том, о сем. А когда группа, встречается ради обсуждения, и посредством этой дискуссии готовится к акции, а акция служит поводом для последующего обсуждения, и это обсуждение включает в себя подготовку новой акции, то в этом и состоит механизм работы анархической группы, основанной на дружеских отношениях. Как же такая маленькая группа должна контактировать с другими группами, ведь их участников не знаешь так же хорошо, как участников своей группы. Этот контакт должен обеспечивать неформальная организация.

Что же такое неформальная организация? Могут быть неформальные отношения между различными маленькими группами, которые вступают в контакт друг с другом, чтобы обмениваться мнениями, работать вместе, и так выстраивается организация, достаточно разветвленная по всей стране, состоящая из десятков или даже сотен (почему бы и нет?) организаций, структур, неформальных групп, которая проводит дискуссии, занимается анализом ситуации и координирует акции. Орга-

низационный принцип анархистов-инсургентов отличается от организационных принципов анархо-синдикализма, о котором мы уже говорили. О наших организационных формах стоит поговорить поподробнее, но у нас нет такой возможности в рамках этой конференции. По моему мнению, такой способ организации не только помогает анархическому движению, но и способствует налаживанию контактов с другими организациями, можно создавать на такой же неформальной основе группы, которые не являются собственно анархическими. Такие группы должны состоять не только из анархистов. Каждый, кто хочет бороться за достижение определенных целей, пусть даже достаточно узких, может в них участвовать, если он готов соблюдать определенные условия. Во-первых, такая группа ведет борьбу за изменение условий, не ожидая ни от кого руководящих указаний. Во-вторых, такая группа должна быть автономной, то есть не иметь ни каких отношений с политическими партиями и профсоюзами. И наконец, такая группа должна решать какую-нибудь конкретную проблему, а не предлагать политические программы и общие заявления, иначе она превратится в аналог администрации, мини-партию или маленький альтернативный профсоюз. Эти идеи могут показаться достаточно абстрактными, поэтому в заключение я хотел бы привести пример – такие вещи легче понять на практике. Эту модель применяли, когда пытались помешать строительству американской ракетной базы в Комисо в конце 80-х. Анархисты, которые участвовали в этих протестах в течение двух лет, создали «самоуправляемые лиги». Эти лиги не были собственно анархическими организациями, у них была одна цель – помешать строительству базы путем разрушения того, что уже построено.

Лиги представляли собой автономные ячейки, ставившие перед собой единственную задачу – разрушать базу. Они не занимались всем комплексом проблем, потому, что если бы они им занимались, они превратились бы в группы синдикалистов, которые ставят перед собой такие цели, как, например, защита рабочих мест, поиск работы для безработных, или решение других насущных проблем. Их же единственной целью было разрушение базы. Другой особенностью этих групп было постоянное участие в конфликте. С того момента как эти группы были созданы (это не были чисто анархические группы, но в них участвовали анархисты), они вступили в конфликт со всеми силами, которые были задействованы в строительстве базы, хотя ни анархисты, ни другие участники не принимали никаких специальных решений на этот счет и не объявляли начало конфликта. Третьей особенностью была полная автономия этих групп, то есть они не были связаны ни с какими партиями или профсоюзами. История борьбы против базы частично известна, но известно не все. Я не знаю, стоит ли здесь рассказывать всю эту историю, я только привел ее в качестве примера.

Итак, анархисты-инсуренты должны преодолеть одну существенную проблему. Они должны выйти за определенные рамки, иначе это все останется только на уровне идей. Те товарищи, которые восприняли инсургентскую идею, для которых она стала своим, кровным делом, которых она зажегла изнутри, превратившись в идею, дающую силу (в противоположность болтовне, создающей мнения), которые создают маленькие группы, вступают в контакты с товарищами из других групп с помощью неформальной организации, делают только часть работы. В определенный момент им нужно принять решение, нужно перейти черту, сделать шаг туда,

откуда обратной дороги уже не будет. Им надо вступить в контакт с людьми, которые не являются анархистами, и взаимодействовать с ними по конкретным вопросам, таким как, например, разрушение военной базы в Комисо. Какой бы не была эта идея фантастической и привлекательной, это безусловно, не есть реализация идеи анархии. Что бы случилось, если бы кому-то действительно удалось проникнуть на базу и разрушить ее? Я не знаю. Может быть ничего, а может быть все! Я не знаю и никто не знает. Но это разрушительное действие красиво само по себе, независимо от возможных последствий.

Анархисты ничего не гарантируют. Они говорят об ответственности людей и организаций на основе принятых ими решений и готовности к действию, и с этого момента они уверены в себе, потому что ими руководит идея справедливости. Эта идея подразумевает ответственность каждого человека и групп людей, одной организации или многих, а также последствия этой ответственности. Именно в этом заключается готовность анархистов действовать.

Поскольку анархисты действуют совместно с другими людьми, они должны стремиться создать такие функциональные структуры, которые не распадутся и будут эффективны в борьбе против власти. Об этом никогда нельзя забывать. На этом моменте стоит остановиться: власть это не что-то абстрактное, она существует во времени и пространстве. Контроль не мог бы осуществляться, если бы не было полицейских участков и тюрем. Законодательная власть не могла бы осуществляться, если бы не было парламента и маленьких местных парламентов. Культурная власть, которая подавляет нас, которая фабрикует мнения, не могла бы существовать без школ и университетов. Школы, университеты, полицейские участки, тюрьмы, промышленность, фабрики, все это существует в определенных местах, на ограниченных территориях, куда мы можем войти, только если мы принимаем условия и соглашаемся соблюдать правила игры. Мы сейчас находимся здесь, потому что мы приняли условия. Иначе нас бы в это здание не пустили. Это интересно. Мы можем использовать структуры подобные этой, но во время атаки нам нет доступа в такие места. Если бы мы пришли сюда с целью произвести атаку, полиция наверняка бы нам помешала.

Итак, поскольку власть реализуется в физическом пространстве, анархисты должны иметь свое отношение к этому. Конечно, бунт это дело индивидуальное, и в глубине души когда мы вечером засыпаем, мы думаем «...ну, в конце концов, все не так уж и плохо», мы ощущаем гармонию с окружающим миром и засыпаем. В этом потаенном уголке нашей души мы свободны и можем двигаться куда хотим. Но потом мы должны вернуться в физическое пространство социальной реальности. А физическое пространство, если хорошенько подумать, почти полностью под контролем власти. И когда мы двигаемся в этом пространстве, мы несем с собой бунт, революцию и готовимся к схватке, в которой кроме нас будут и другие участники.

Поэтому мы должны выделять конкретные объекты, должны понять, насколько они важны и, поскольку если им ничто не мешает, они будут существовать вечно и повсюду, мы должны создавать условия, чтобы люди, эксплуатируемые, на чьих спинах эти объекты построены, сделали что-то для их разрушения.

Я верю, что революционный процесс имеет бунтарскую, инсургентскую природу. У него нет целей (и это важно), имеющих количественные характеристики, потому

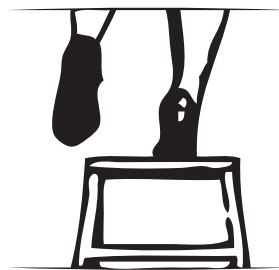
что разрушение объекта или недопущение реализации властного проекта нельзя оценить в терминах количества. Иногда кто-нибудь спрашивает меня «Каких же результатов мы достигли?» Когда что-то сделано люди даже и не вспоминают анархистов. «Анархисты? Кто это? Монархисты? Те, которые за короля?» У людей короткая память. Но разве это так важно? Люди должны помнить не нас, а свою борьбу, потому что это их борьба. Мы это просто шанс в этой борьбе. Мы что-то дополнительное.

В свободном обществе, в котором установится анархия, в идеале анархистам, которые неразрывно связаны с общественной борьбой на любом уровне, будет отведена роль развивать борьбу дальше, уничтожая малейшие следы власти и совершенствуя свою деятельность во имя анархии. Эта планета неудобна для анархистов: когда борьба идет успешно, про них забывают, а когда борьба идет плохо, их обвиняют во всех грехах, что они не так начали и не к тому пришли. Не должно быть иллюзий по поводу количественных результатов: с инсургентской точки зрения если борьба ведется за правое дело и развивается успешно, то она может принести плоды для тех, кто ее начал, но никак не для анархистов. Нельзя, как это часто случается с анархистами, становиться жертвой иллюзии, что успехи в борьбе приведут к росту численности наших групп, это не так, такие иллюзии ведут к разочарованию. Рост числа наших товарищей и количества групп важны, но это происходит не за счет наших успехов, а скорее в результате целенаправленной работы по выработке сильных идей и прояснения понятий, о котором мы уже говорили. Положительные результаты борьбы и количественный рост анархических групп не имеют обязательной причинно-следственной связи. Они могут быть связаны, а могут и не быть.

Несколько слов в заключение. Я говорил о том, что такое анархизм, что такое демократия и почему мы всегда сталкиваемся с непониманием, говорил о том как трансформируются структуры власти, которые мы называем «современный капитализм» или «постиндустриальный капитализм», говорил о некоторых анархических структурах, которые сегодня неприемлемы и о том, как можно противостоять власти, и в заключение я упомянул различие между традиционными анархистами и нынешними анархистами-инсургентами.

Спасибо.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Альфредо Боннано
Анархическое напряжение
1996 год

<https://piter.anarhist.org/>

ru.anarchistlibraries.net